

МРНТИ 16.21.21

¹Н.Г. Шаймердинова, ²И.А. Невская

¹Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

²Франкфуртский университет, Франкфурт-на-Майне, Германия
(E-mail: ¹nurila1607@mail.ru; ²nevskaya@em.uni-frankfurt.de)

Некоторые аспекты истории развития кыпчакских и огузских языков

Аннотация. В статье рассматривается история развития кыпчакских и огузских языков на примере отдельных грамматических явлений. Истоки этого развития мы находим как в праалтайском языке, так и в пратюркском языке - основе кыпчакских и огузских языков. Авторы статьи рассматривают соотношение пракыпчакского и праогузского языков с древнетюркским языком, выявляют кыпчакские и огузские компоненты в «Дивани» Махмуда Кашгарского, раскрывают отдельные языковые особенности кыпчакских и огузских языков в эпоху позднего средневековья и на современном этапе их развития. В качестве иллюстрации анализируется развитие категории числа в кыпчакских и огузских языках. Авторы статьи анализируют значения категории числа, их формальные средства выражения, обусловленные типологическими и морфонологическими характеристиками кыпчакских и огузских языков.

Ключевые слова: праязык, пракыпчакский, праогузский, древнетюркский, Dīwān Lughāt al-Turk, среднекыпчакский период, категория числа.

<https://doi.org/10.32523/2616-6887/2019-126-1-184-199>

Кыпчакские и огузские языки, как и другие тюркские языки, прошли свой исторический путь развития от протоязыка до современного состояния.

Праалтайский язык является общим языком-основой для прототюркского языка. Формирование алтайской семьи языков восходит к эпохе поздней бронзы, развитию в Лесной и Степной Евразии Абашевской, Андроновской, Афанасьевской, Каракольской, Карасуской, Окуневской, Тагарской, Бегазы-Дандыбаевской и других культур. В рамках позитивистской алтаистики и её последователей (Г. Рамстедт, Р. Миллер, Н.Н. Поппе, В.Л. Котвич, М. Пеллио, К.Г. Менгес, В.И. Цинциус, Л. Лигети, Н.А. Баскаков, С.А. Старостин, И.В. Кормушин, А.В. Дыбо и др.), языки, входящие в алтайскую семью, а именно: тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские, корейский и японский, – имеют не только схожие типологические признаки, но и общий праязык. К сожалению, алтайская эпоха не оставила ни одного письменного памятника и только сравнительно-сопоставительный анализ языковых систем древних и современных алтайских языков позволяет говорить об их единых истоках. Н.А. Баскаков [1, с. 29], цитируя Б.Я. Владимирцова [2, с. 45], пишет, что для всех этих языков и языковых ветвей «предполагается наличие более древнего языка, общие фонетические, лексические и грамматические черты которого сохранились в современных тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках». Этот некий древний язык, предок алтайских языков, мы обозначаем как их праалтайский язык-основу, в котором должны были найти своё отражение не только их общие фонетические и грамматические признаки, но и лексико-семантические соответствия при обозначении флоры, фауны, рода занятия людей, их родственно-личных и социальных отношений и т.п., раскрывающие картину мира алтайской палеокультуры. Например: гутин (тунгус.), гусин (ман.), гучин (мон.) ‘тридцать’ [1, с. 29], слово со значением ‘сила’, которое совпадает семантически, различаясь фонетическими вариантами глухих и звонких в анлауте, губных

в инлауте, щелевых и смычно-щелевых в ауслауте: хусун (ман.), күүчин (мон.), күч (алт. совр.), күс (хакас.), күүс (якут.), күш (казах.), куч (кырг.), güç (тур.).

Н.А. Баскаков [1, с. 29], ссылаясь на Г.Д. Санжеева [3], делит материковые алтайские языки в фонетическом плане на две большие группы – тунгусо-маньчжурскую и тюркско-монгольскую – по следующему признаку: в позиции перед гласным и согласным т-с тунгусо-маньчжурских языков соответствуют согласные ч~ш в тюркских и монгольских языках. В свою очередь, тюркские языки различаются от монгольских по признаку ротацизма и ламбдаизма: монгольские согласные р и л соответствуют тюркским з и ш. К другим общим признакам алтайского праязыка относятся гармония гласных звуков, ограниченная сочетаемость консонантов в анлауте и др. Наконец, в праалтайском языке нашли отражение грамматические формы и грамматические категории, которые оказались в дальнейшем базовыми и для всех алтайских языков, в том числе кыпчакских и огузских тюркских языков.

Считается, что распад алтайской семьи языков начинается приблизительно в VI тыс. до н.э., и тюркские языки далее отпочковываются от тюркского праязыка (или протоязыка), тюркского языка-основы, который отделился от общеалтайского и развивался далее самостоятельно. Н.Н. Поппе определяет ряд фонетических различий пратюркского от общеалтайского:

1. Анлаутное *р изменилось в *h (*p > *h), например: общеалтайское *purka > *hurka, о чём можно судить по тюркскому слову *hurok* ‘силок, сети’, усвоенному венгерским языком.

2. Общеалтайские согласные *k и *g сохранились в основах только с передними гласными, а в основах с задними гласными стали употребляться их рефлексы *q и *γ, например: общеалтайское *ege->eg- ‘сгибать’, общеалтайское *kāra > *qar; тюрк. *qaz*, чув. *xur* ‘гусь’.

3. Общеалтайские начальные *k и *g дали в итоге глухие *k и *q, например: *gar > *qarī ‘плечо, локоть’ и qarīš ‘пядь’.

4. Общеалтайское анлаутное *m стало *b (*m > *b), например: *muŋ* ‘печаль, тяготы’ > в древнетюркском *buŋ*.

5. Различие между долгими и краткими гласными исчезло, и долгие перешли в краткие. Все безударные конечные гласные отпали, например: общеалтайское *ēre ‘мужчина’ > *ēr > тюркское *är*; *er*; *ir* [4, с. 153].

Другой важный фактор единых истоков исторического развития кыпчакских и огузских языков заключается в формировании общей структуры тюркского слова, в частности, корневой морфемы и её сочетаний. Так, пратюркские односложные корни, известные в тюркологической науке как «первичные корни», «мертвые корни», «односложные лексические основы», «односложные корни-основы» стали базой для формирования новой структуры тюркского слова (В. Котвич, А. Зайончковский, А.Н. Кононов, Э.В. Севортян, А.М. Щербак, А.Т. Кайдаров, Ж.А. Манкеева и др.).

К первичным корням *ke/ki*; *to/tu*; *qo/qa*; *ja/jo*; *ju/jü* и др. присоединялись аффиксальные морфемы, образуя корни новой модели: *ke*+l ‘приходить’, *ke*+s ‘резать’, *ke*+t ‘уходить’, *ke*+r ‘растягивать’, *ki*+r ‘входить’, *ki*+j ‘одеться’; *to*+j ‘насыщаться’, ‘пир’, *to*+q ‘сытый’, *to*+z ‘истощиться’, *to*+s; *qo*+d /*qo*+b/*qo*+j ‘класть’; *ja*+n ‘гореть’; *ja*+q ‘зажигать’; *jo*+r ‘идти’, *ja*+z ‘расти’ и т.д. Этот процесс образования нового корня А.Н. Кононов объясняет следующим образом: «конечные согласные *q*, *k*, *l*, *r*; *n*, *t*, *s*~*c*, *z*~*s* в трехфонемных (CVC) и двухфонемных (CV) корнях-основах являются залоговыми показателями, которые вошли в состав корневых морфем, образовав базу – новый тип корня, не поддающийся в сознании носителей языка членению на составляющие» [5, с. 78].

С точки зрения фонемного состава, смычные и сонорные согласные, изначально не входившие в структуру корня и наделенные грамматическими значениями аффикса, позже образуют новый корень-основу по модели C+V+C. Так, в тюркских языках, а так-

же в его кыпчакской и огузской подгруппах формируется морфологически неразложимые позже корневые морфемы *-kel, -ket, -kir, -toj, -toq, -toz, -qod, -qob, -qoj, -jor-, -jör, -jur, -jür, -jan, -jaq, -jaz* и т.д.

Первичные корни как самостоятельные слова изредка встречаются в памятниках древнетюркской письменности: ай- ‘говорить’ (Тон. 31,32); ыд- ‘посылать’ (КТМ.2); ба- ‘связывать’ (Тон.41, МЧ,265); сы- ‘ломать, разрушать’ (КТМ.11) и т.д. [6].

Как реликтовые компоненты корневой морфемы первичные корни сохранились в поздних средневековых текстах, например: **қай* < қай+т, қай+ыр, қай+ра, қай+ыс, қай+мык, қай+қы; а также как лексемы в некоторых современных тюркских языках.

Для современных тюркских языков, в том числе кыпчакских и огузских, многие первичные протокорни можно определить как связанные «мертвые корни». В процессе превращения таких образований в «мертвые корни» наблюдаются грамматические изменения, недопустимые для структуры тюркского слова в более поздние эпохи, в т.ч. и современную. К таким процессам относятся: ослабление формообразующих функций указанных залоговых аффиксов, стирание границ между корнем и аффиксами и превращение их в законсервированные лексические единицы [8, с.312].

Как считается, в сфере морфологии кыпчакские и огузские языки «наследовали» от пратюркского языка глагольно-именной синкретизм, в результате которого наблюдается омонимия глагольных и именных основ, многоаспектно интерпретируемая тюркологами: «первичные именные и глагольные основы» (Г. Рамстедт), «в тюркском праязыке почти любой первичный корень обозначал и предмет, и действие, т.е. был синкретичным» (А.М. Щербак), «синкретичные слова отражают древнейший полисемантизм» (И. Батманов), «основы с затемненным морфологическим составом» (Э. Севортян), «скрытый и смешанный синкретизм омонимичных корней» (А. Кайдаров, А. Ибатов). П. М. Мелиоранский считал, что в древности разделение корней на глагольные и именные не было так строго проведено в турецких языках, как теперь, что есть и теперь корни, имеющие двойное значение – глагольное и именное [9, с. 18]. Например, той ‘насыщаться’, той ‘пир’; тын ‘дыхание’, тын ‘отдыхать’; көш ‘кочевка’, көш ‘переезжать/кочевать’ и т.д. Хотя и можно предположить, что природа имени и глагола в тюркских языках весьма отличалась от, в частности, индоевропейских языков изначально, т.е. не было такой жесткой поляризации имени и глагола, их грамматических категорий и разрядов, но уже в древнетюркское время существовали хорошо сформированные классы имени и глагола с их грамматическими и словообразовательными категориями. Процесс консолидации различных частей речи наблюдается и в наше время. Остаточные корни, способные выступать в функциях различных именных частей речи, уже можно рассматривать как лексико-грамматические омонимы. Глагольно-именная омонимия, распространенная в прототюркскую эпоху, сохранялась еще частично в древнетюркское время и постепенно сходилась на нет в эпоху позднего средневековья. Интересно отметить, что при разрушении глагольно-именной омонимии, как и в случае изменения структуры первичных корней, корневая морфема передает свои значения новым производным словам. Так, например, ойук ‘впадина’, ‘яма’, ‘выемка’ образовано от глагольного оморфного корня ой - ‘выдавливать’, ‘рыть’, ‘копать’ или от его омонима ой ‘впадина’, ‘углубление’, ‘рытвина’ [10, с. 38].

В современных кыпчакских и огузских языках наблюдаются лишь некоторые остаточные проявления тюркского глагольно-именного синкретизма: так, в кыпчакских языках, в частности, в современном казахском языке есть омонимия ряда форм: кой ‘овца’, кой ‘положи’; ат ‘лошадь’, ат ‘стреляй’; бас ‘голова’, бас ‘дави’; ас ‘поминки’, ‘трапеза’, ас ‘подвесить’ и т.п. Насколько их можно возвести к единому прототипу тоже не всегда очевидно. Глагольно-именная омонимия в кыпчакских языках, в казахском языке носит «скрытый» и «смешанный» характер. Например, в синкретичных основах

той - той - тол - тоқ наблюдается абсолютно омонимичная глагольно-именная основа той 'насыщаться', 'наедаться' и той 'пир'. Однако нужно быть очень осторожным при определении так называемых «скрытых синкретизмов». Так, следующие слова, кажущиеся «скрытыми синкретизмами», т.е. словами, образованными от синкретичных именной и глагольной основы, на самом деле произошли от глагольной основы то- 'наполнять': глагол тол- 'наполняться' путём прибавления аффикса страдательного залога -л, тоқ 'сытый', 'насыщенный' от того же глагольного корня путем прибавления словообразовательного транспонирующего аффикса с результативным значением, т.е. находящийся в состоянии, обретенном путем наполнения. Тем самым, они оба образованы от одного глагольного корня, не имеющего синкретичного именного корня. Яркими примерами таких, кажущихся синкретичными основ в современном казахском языке являются следующие корневые основы, рассматриваемые Ибатовым А.М. как синкретичные слова: жой - жоқ - жон - жұу - жүл - жүр - жүт - жүд - жыт - жіт - зыт [11, с. 12]:

жой (жо+й 'уничтожить', 'истребить', 'ликвидировать');
жоқ (жо+қ 'отсутствующий', 'нуждающийся в чем-либо');
жон (жо+н 'строгать', 'обстругивать');
жұу (жұ+у 'мыть', 'обмывать', 'стирать');
жұл (жұ+л 'выдергивать', 'рвать'; 'щипать', 'общищать');
жүр (жұ+р/жұ+рдай 'гол как сокол', 'лишенный всего'; жүрын 'остаток'; жұрнақ 'оставшиеся куски чего-либо', 'корешок');
жүт (жұ+т 'джут- массовый падеж скота', 'глотай');
жүд (жұ+д/де 'истощаться');

Как известно, распад пратюркского языка происходит в конце первого тысячелетия до нашей эры, в эпоху гуннов, когда происходит дифференция тюркских языков: они распадаются на многие племенные языки, которые позже формируют тюркские языковые подгруппы. Н.А. Баскаков выделяет следующие языки: р ~ л языки, т.е. языки огузов (угуры), онугузов, сарагузов, кутургузов — предков древних аваров, сабилов, болгар и современных чувашей; з ~ ш языки, т.е. языки огузов (узов), древних кыргызов, части древних уйгурских племен, оставшихся на востоке, а также их позднейших потомков, главным образом огузов, кыпчаков и карлуков [1, с. 36]. Послегуннский период развития кыпчакских диалектов К.М. Мусаев определяет как пракыпчакский язык (ориентировочно 2-8 вв. н.э.). На этом этапе кыпчакские диалекты контактировали со многими другими тюркскими языками и диалектами, развившимися из пратюркских диалектов. Происходит деление кыпчакских языков на џ-языки и ѝ-языки. В грамматике начинается превращение служебных слов в аффиксы. В языке тюркских рунических памятников А.Н. Кононов, процитированный Мусаевым К.М., отмечает «кыпчакское влияние» в морфологии [12, с. 15].

Некоторые праогузские, пракыпчакские и пракарлуцкие диалекты могли стать основой для развития языка орхоно-енисейских рунических памятников, хотя, видимо, этот язык был литературно обработанным, стандартным, наддиалектным языком эпохи древнетюркских каганатов. Найти конкретные диалектные в этом языке очень сложно и сопряжено со многими возможными рисками. Так, фонетическая система древнетюркского языка имеет состав консонантов, очень близкий к консонантизму как пракыпчакских и праогузских, так и современных кыпчакских и огузских диалектов (см. таблицы 1, 2 и 3).

Таблица 1

Пракыпчакские согласные фонемы [11, с. 283]

	губные	переднеяз.	среднеяз.	заднеяз.
Смычные				
глухие	p	t	k	q
звонкие	b	d	g	γ
Щелевые				
глухие			s š	
звонкие		z	j	h
Аффрикаты				
глухие		č		
звонкие		ž (ž)		
Сонанты				
боковые			l	
плавные	m	n		ŋ
дрожачие			r	

Таблица 2

Праогузские согласные фонемы [11, с. 85]

	губные	переднеяз.	среднеяз.	заднеяз.
Смычные				
глухие	p	t	č	k
звонкие	b	d	ž	g
Щелевые				
глухие		s	š	
звонкие	v	z		γ
Аффрикаты				
глухие			j	
звонкие			ī?	
Сонанты				
боковые			l	
плавные	m	n		ŋ
дрожачие			r	

Таблица 3

Консонанты древнетюркского языка [3, с. 63]

	губные	переднеяз.	среднеяз.	заднеяз.
Смычные				
глухие	p	t		k q
звонкие	b	d		g γ
Щелевые		s š		
глухие				
звонкие		z (ž)	j	
Аффрикаты				
глухие		č		
звонкие				
Сонанты				
боковые		l		
плавные	m	n	(ñ)	ŋ
дрожачие		r		

Сравнительный анализ консонантов этого же автора якобы раскрывает связь кыпчакских и огузских праязыков с языком рунических письменных памятников. В рунических текстах в анлауте могли употребляться губные *b*, *m* (этимологически *b* в силу воздействия конечного сонорного *n* переходил в *m*: *bən* > *mən*, *biŋ* > *miŋ*, *bəŋgü* > *məŋgü*, *bunta* > *mynda*, *buŋ* > *muŋ*, *tarban* > *tarman*). Звонкий губной *b* восходит к огузскому диалекту и до сих пор функционирует в современных огузских языках в анлауте, например, бычмек ‘раскраивать’, бана ‘мне’, бен ‘я’ тур. и гагауз. (хотя в азерб. мән, турк. мен). Губной сонант *m* – типичен для кыпчакских диалектов, например, мен каз. и кирг., мин татар. ‘я’; маған ‘мне’ в каз., муну ‘его’ в киргизском. Однако начальный *b* свойственен уже пратюркскому языку, он сохранился и в древнетюркском и в огузских языках.

В огузском праязыке в инлауте и ауслауте происходит фрикативизация звонких *b* и *g*. А.В. Дыбо считает, возможно, на этом же этапе прошел переход *agu* > *avu*, т.е. в праогузском появляется губной, звонкий *v*. Этот согласный, однако, уже имелся и в древнетюркском языке рунических памятников, причём он был не самостоятельной фонемой, а вариантом *b* между гласными и на конце слова. В современных огузских языках *v* является типологически характерной фонемой, например: *ev* ‘дом’, *av* ‘охота’ в турец.; *ver* ‘дать, давать’, *var* ‘имеется, есть’ в гагауз.; *vär* ‘давать’ в крымскотатар.; *ver* ‘давать’, *var* ‘имеется’, *vur* ‘бить’ в азербайджанском. Однако, в начале слова в древнетюркском мы фрикативизации *b* не наблюдаем.

В праязыке кыпчакском и праогузском языках были представлены среднеязычные консонанты, как и в древнетюркском языке (см. табл. 1, 2, 3), в частности, йотированный согласный *j*: *jer* ‘земля’, *jol* ‘дорога’, *jolta* ‘в дороге’, *jemiš* ‘ягода’, *jüz* ‘сто, сотня’, *javyz* ‘плохой’, *jalan* ‘тонкий’, *jutčak* ‘мягкий’, *jaš* ‘годы, лета’. Современные огузские языки в анлауте в целом сохранили *j*, например: ‘нет’ *jok* турец., гагауз., азербад., *jök* туркменский. Эти согласные были унаследованы из прототюркского. Некоторые кыпчакские языки северной подгруппы

также имеют йотированный начальный согласный *j*: *jol* башкирский и татарский. Однако в других кыпчакских языках происходит переход *j > ž*: жол каз., каракалп.; жул киргизский.

Важной особенностью консонантной системы древнетюркского языка является употребление щелевых глухих *s* и *š* в анлауте, инлауте, ауслауте: *san* ‘число’, *bars* ‘барс’, *kansız* ‘без хана’, *basmil* ‘басмылы’, *sünüş* ‘война’, *qışi* ‘младший’, *ulus* ‘племя’. Очень часто употребляется в середине и в конце слова глухая *š*: *qışi* ‘человек’, *aša* ‘ешь, кушай’, *jašil* ‘зеленый’, *šeg* ‘даль’, *taš* ‘камень’, *kilmış* ‘преступление’. В. Радлов отмечает в древнетюркском языке смешение *s* и *š*, более того, он утверждает, что в самом языке наблюдается переход *š > s* [9, с. 40]: *qümüs/qümüş* ‘серебро’. Это, видимо, было не фонетическое явление, а, скорее всего, орфографическое: в рунической графике не было столько согласных рун, чтобы различать 2 типа *s* и *š*. Самое большое число графем, зафиксированных в одном памятнике для *s* и *š* было 3, а преимущественно всего 2, что необратимо вело к тому, что оба звука должны были передаваться одной и той же графемой. Кроме того, если принять известную точку зрения, что писцы были образованными людьми и знали и иные виды письма, то такие перебои в правописании могли быть обусловлены и тем, что в большинстве семитских видах письма (за исключением манихейского) буквы *s* и *š* очень похожи и могли легко быть приняты одна за другую. Предполагать, что истоки употребления фонем *s* и *š* в памятниках рунического письма были заложены в пракыпчакском языке (см. табл. 1) аналогично с распределением этих согласных в казахском языке (тас ‘камень’, бес ‘пять’, алыс ‘далеко’, құс ‘птица’, кісі ‘человек’, кенесші ‘советник’, ағаш ‘дерево’, екінші ‘второй’, бикеш ‘девушка’, күш ‘сила’, қылыш ‘сабля’, кіші ‘младший’, ұш ‘лети’) было бы неправомерно. Хотя и в казахском (и, видимо, также уже и в пракыпчакском), и в древнетюркском существовали эти проточные согласные, они являются рефлексамми разных прототюркских согласных: казахское *s* соответствует пратюркскому *ш*, а казахское *ш* соответствует пратюркскому *ч*. Тем самым, то, что и в древнетюркском, и в казахском есть данные согласные, не доказывает их особую близость или взаимовлияние. Казахский, как и все кыпчакские языки, прошел путь целого ряда фонетических сдвигов, которые не были свойственны древнетюркскому. Как показывают реконструкции, в том числе и А.В. Дыбо, древнетюркский язык, в том числе и язык рунических памятников, не имеет последователей, т.е. это было тупиковое направление развития.

Для праогузского языка и позже для современных огузских языков характерно употребление звонких гласных в анлауте и ауслауте, как и для древнетюркского. В этом отношении они сохраняют пратюркские формы: древнетюркский *ev* ‘дом’, *av* ‘охота’, *kav* ‘принять’, *sav* ‘слово’; *šad* ‘титул’, *ed* ‘добро’, *beg* ‘бек’, *bag* ‘род, колена’, *jeg* ‘благо’, *elig* ‘пятьдесят’. А современные огузские языки перенесли эту черту и на начальный -*g*, который в прототюркском был глухим.

Таким образом, сравнительный анализ консонантных систем древнетюркского и кыпчакских и огузских языков показывает, что мы не можем однозначно отнести то или иное явление в древнетюркском к кыпчакскому или огузскому влиянию. Скорее, в них во всех представлены многие общие явления, унаследованные ими от прототюркского языка. Как мы видели, процесс перехода *ш* в *s*, свойственный кыпчакским языкам, не может быть доказан для древнетюркского. Там также не было характерного «кыпчакского» перехода *ч* в *ш*, видимо, происходившего примерно в то же время как и переход *ш* в *s*. Огузское озвончение начального *к* также не отмечено для древнетюркского.

Можно предположить, что пракыпчакские и праогузские диалекты существовали уже во времена первых древнетюркских письменных памятников, но они, к сожалению, не оставили письменных свидетельств. Поисками диалектных особенностей в древнетюркских текстах занимается немало тюркологов. Использование согласных *s* и *ш* не является диагностическим, как мы уже отмечали, так как соответствующие буквы могли читаться и так и так. Если бы удалось найти однозначные маркеры того или иного диалекта в том или

ином тексте, то можно было бы уточнить их интерпретацию в соответствии с диалектом текста в целом.

Поздний древнетюркский период в развитии кыпчакских и огузских языков связан с возникновением новых тюркских государственных объединений, с распадом языков на подгруппы. Период VII-XII вв. К.М. Мусаев называет поздним пракрыпчакским и отмечает, что «усиливается процесс распада пракрыпчакского языка на группы в связи с возникновением государственных образований кыпчакских и тюркских племен. Можно отметить появление различий в консонантизме: разделение на *j*-языки, *z*-языки, в дальнейшем наряду с этим появление *ž*-языков; в вокализме от пракрыпчакского *-e-* языка отделяются *-ä*-диалекты. В морфологии утратилась форма древнего инструментального падежа, начинают распадаться формы склонений личных и указательных местоимений. Продолжается процесс перехода самостоятельных слов в служебные элементы, наряду с этим усиливается также процесс превращения служебных элементов в аффиксы» [12, с. 16].

Подобные социальные и языковые тенденции происходили и в огузских племенах и языках. Именно в этот период складываются отличительные классифицирующие признаки кыпчакских и огузских языков, например: перфект на *-miš* является одним из дистинктивных признаков огузских языков, в то время как в кыпчакских языках перфект уже проявляется в форме на *-γan*.

Фонетические и морфологические различия кыпчакских и огузских языков отмечают М. Кашгари в «Дивани ат-турки». М. Кашгари, осуществляя сравнительную характеристику тюркских языков и диалектов, общий караханидский литературный язык, а также огузские и кыпчакские языки называет «чистыми языками» и, сравнивая эти языки, делает пометы «кыпчаки говорят так... огузы говорят так...» или «в языке кыпчаков», «в языке огузов». Так, М. Кашгари пишет о кыпчакских языках: «Ни в одном из тюркских наречий нет буквы для передачи *ç*, эмфатических звуков *m*, *ş* и *đ*, а также гортанных *x*, *h* и *ʕ*. Сову могут называть *ʕxū*, но в чистом языке это *ʕkū*, как в кыпчакском наречии (выделено авторами)» [14, с. 57]. Там же М. Кашгари неоднократно упоминает огузские языки (соответственно, «огузов»): «Что касается огузов, то они вместо *k* и *g* используют *ʔ* алиф (т.е. *ʔ*), а вместо *v* (передающую *y*) - *s* и *y* (передающий *ñ*). Примеры: *йагәж бижәсй нанә* 'то, чем срезают дерево'. Имена, обозначающие время и место, а также отглагольные имена образуются таким же образом» [14, с. 60].

В «чистых языках огузов и кыпчаков» М. Кашгари, по мнению Д.М. Насилова, отмечает языковые явления, отличающие кыпчаков от огузов. Это прежде всего: 1) звонкий или глухой анлаут; 2) соответствия губных согласных в анлауте; 3) соответствия губных согласных в ауслауте; 4) соответствия интервокального *-j*; 5) соответствия *-j / -n* в исходе корня; 6) устойчивость гутуральных (*-γ/-q/-h/-x*) в основах или в аффиксах; 7) особенности огласовки аффиксов ряда грамматических категорий; синонимия аффиксов в разных диалектах; 9) специфические аффиксы в диалектах; 10) лексические различия [15, с. 289].

По мнению исследователей [16;17], М. Кашгари места проживания кыпчаков делит на два региона: «ближний» и «дальний», в зависимости от местности, где проживал сам М. Кашгари (по версии ученых: южный регион о. Иссык-куль, Восточный Туркестан). Поэтому «ближние кыпчаки» проживали в Средней Азии и Восточном Туркестане. По мнению Д.М. Насилова, одни кыпчаки занимали пространство на северо-западе от Кашгара, оно обозначено как «место обитания кыпчаков и огузов», другие кыпчаки жили на западе, недалеко от суваров, близко от реки Итиль. Географически эти группировки на карте Махмуда разделяют многие сотни километров. Поэтому очевидно, что сведения о кыпчаках на Итиле он получал из вторых рук» [15, с. 290].

Сравнивая тюркские диалекты и языки, в т.ч. кыпчакские и огузские, М. Кашгари отмечает близость кыпчакских и огузских языков по ряду параметров. Отсюда в тексте памятника он часто употребляет: «в языке огузов и кыпчаков», «у огузов и кыпчаков». Или,

описывая лексему кйш «колчан», он пишет: «Огузы и их братья Кипчаки этого слова не знают» [14, с. 835].

В данном аспекте является показательным сравнительный анализ общих языковых явлений караханидского, огузского, кыпчакского языков, запечатленных в «Дивани-ат-Турк». Мы сочли возможным этот анализ [15, с. 291] проиллюстрировать ниже (см. табл. 4).

Таблица 4

Признаки	Караханид.-тюрк.	Огузский	Кыпчакский ‘ближний’	Кыпчакский ‘дальний’
1. Анлаут m-/b	män ‘я’ mün ‘суп’	bän bün	bän bün	män mün
2а. Анлаут t-/d q-/x-	täwa ‘верблюду’ qaju ‘какой’	däwä xaju	däwä xaju	täwa -
2б. Анлаут j-/ž-	jälkin ‘странник’ jilīy ‘теплый’ jänčü ‘жемчуг’	älkin ilīy jänčü	älkin ilīy jänčü	- žilīy žänčü
3. Ауслаут -t/-d	üt ‘дыра’	Üd	üd	-
4. Интервокальное -j/-z/-δ/-d-	ađag ‘нога’ qadīj ‘береза’ jajyuq ‘соски’	ajaq qajij jajyuq	ajaq qajij jajyuq	azaq qazij jazyuq
5. Ауслаут корня -j/ -ñ	qoj ‘овца’	Qoj	qoj	qoj
6. Устойчивость гуттуральных	čomuq ‘чомга’ tamaq ‘горло’ urān ‘бьющий’	čomuq tamaq uran	čomuq tamaq uran	- tamaq urān
7. Огласовка аффиксов	bar-dim ‘я пошел’ tun-ur ‘быть покрытым’	bar-dim tun-ar	bar-dim tun-ar	bar-dim tun-ar
8. Синонимия аффиксов	bar-γu ‘идущий’ tur-γu ‘стоящий’ toγra-γučī ‘режущий’ toγra-γulug ‘нужно резать’	bar-asī tur-asī toγra-dačī toγra-γsīg	bar-asī turasī toγra-dačī toγra-γsīg	- - - -
9. Особые показатели отрицания	ärmäs ‘не’	Dägul	ärmäs	ärmäs

10.Различия в лексике	böri ‘волк’	qurt	böri	-
	čiq ‘выйти’	čiq	čiq	tašiq
	qoj ‘баран’	qoč	qoj	qoj
	jasiq ‘чехол для лука’	qurman	qurman	-

Анализ таблицы показывает, что в караханидском памятнике в огузском и «ближнем» кыпчакском языках имеются соответствия фонетических, морфемных, лексических признаков. Напротив, в «дальнем» кыпчакском, по сравнению с караханидским и огузским, наблюдаются языковые процессы, характерные для кыпчакских языков: наличие губного *m* вместо *b* (*män/bän*), функционирование в анлауте и ауслате глухих согласных вместо звонких: *k* вместо *g*, *s* и *š* вместо *z* и *ž*. В анлауте согласный развивается от *j* к щелевому звонкому *>* *z* (*jänčü > žänčü*). В инлауте также происходит замена *j > z* (*ajag > azaq*), выпадение заднеязычного звонкого *γ* (*tamyaq > tamaq*) и т.д. Эти признаки в настоящее время нашли отражение в современных кыпчакских языках.

Кыпчакские и огузские племена и народы – наиболее обширные тюркские этносы в прошлом и в настоящем. Военно-политическую мощь, экономическую и культурную роль кыпчаков для обширного Евразийского пространства, а также для западных стран, подтверждают строки кыпчакского памятника Codex Cumanicus: *Sendä, mendä yoḡ, seŋgir tavda yoḡ, ütlü tašta yoḡ, qırçaqta yoḡ. Ol. quš süt-dir*. ‘Нет ни у тебя, ни у меня, ни в высоких (заоблачных) горах, ни в пещерах (пробитых, проторенных камнях), ни у кыпчаков. (Это птичье молоко)’ (выделение сделано авторами) [18, с. 193]. В загадке достаточно прозрачный смысл: вещь, о которой говорится в тексте, нет нигде в мире, даже у всемогущих, всемогущих кыпчаков. Памятник написан неизвестным автором латинской графикой на трех языках, итальянском, немецком, куманском, тем самым именно через текст Codex Cumanicus европейские государства признают этническую значимость и роль кыпчаков для своего эпохи.

Кыпчаки - основатели этногенеза современных казахов, киргизов, узбеков, башкир, татар, каракалпаков, кумыков, карачаевцев, балкар, ногайцев и др. народов. В европейских, персидских, арабских, славянских и китайских источниках в домонгольский период кыпчаков называли «сеяньто», «кимаки», «кыпчаки», «комоны/куманы/куны», «половцы», «печенеги», «черные клобуки», «мамлюки». С.Г. Кляшторный выделяет 5 основных групп кыпчакских племен: 1) алтайско-сибирская, 2) казахстанско-приуральская, включая также «саксинскую», 3) подонская, включая предкавказскую подгруппу, 4) днепровская, включая крымскую подгруппу, 5) дунайская, включая балканскую подгруппу [19. с. 11]. Эта классификация раскрывает территорию проживания кыпчакских племен, ареал распространения кыпчакских языков.

В кыпчакскую эпоху историки отмечают совместную жизнь кыпчакских и огузских племен в долине реки Сыр-Дарья. Считается, что в XI в. кыпчаки вытеснили огузские племена в Мангыстау и современные территории Туркмении. Сами огузы, как и кыпчаки, будучи грозной военной силой для своих соседей, воевали на Среднем и Ближнем Востоке, позже покорили Малую Азию и Византию. В кыпчакско-огузские эпохи, в частности, в XI-XII веках, были созданы и другие общие для тюркских народов памятники, такие как «Сказание о Коркуте», «Алпамыс», «Қазанбек», «Домбауыл» и др.; позже, в XVI в., – «Көроғлы».

После монгольского завоевания кыпчаки стали называться «моголами» и продолжали оставаться господствующим этносом на территории своего обитания. Возрождение кыпчакских племен связывают с возникновением государства Золотая орда в XIII-XV вв., литературным языком которого был чагатайский язык, в основе которого, по мнению К. Мусаева, в том числе лежит и кыпчакский слой – его кыпчакско-огузский или северный

диалект. Золотоордынское время характеризуется рядом письменных памятников, таких как «Киссасу-л-анбия» Рабгузи, «Кисса-и Юсуф» Али (Гали), «Гулистан бит-турки» Сайф Сараи, «Мухаббат-нами» Хорезми и др.

Начиная с 1480 годов, распад Золотой Орды приводит к возникновению Казанского, Крымского, Астраханского, Казахского и Узбекского ханств, а значит, и возникновению национальных кыпчакских языков.

Значимым для кыпчакских языков XIV-XVI вв. является создание армяно-кыпчакских памятников (графика староармянская, язык – кыпчакский), в числе которых многочисленные религиозные тексты, исторические хроники («Венецианская», «Хроника польского улуса», «Каменец-Подольская хроника»), юридические тексты («Судебник», актовые книги), филологические тексты (словари, «Грамматика кыпчакского языка», «Слово мудрого Хикара») и естественно-научные («Гайна философского камня»). Языковая система армяно-кыпчакских памятников, наследуя языковые закономерности пратюркского и пракрыпчакского языков, демонстрирует в фонетической, лексико-семантической, грамматической подсистемах среднекыпчакский этап исторического развития кыпчакских языков и имеет преемственную связь с языковой системой современных кыпчакских языков.

Характерными языковыми признаками для кыпчакских языков позднего средневековья и нового времени являются устойчивые глухие согласные в анлауте (-к, -г, -п); напротив, для огузских языков – звонкие согласные (-г, -д, -б). Для морфемики характерна агглютинативная структура тюркского слова: фонетически неизменяемая корневая морфема и корпус посткорневых служебных морфем с их алломорфами и вариантами. В морфологии и в кыпчакских, и в огузских языках сохраняются и развиваются категории имен и глаголов, а именно категория числа, принадлежности, падежа, лица, времени, залога, наклонения. Изменения в категориях в формальном плане касаются некоторых средств выражения, в частности, морфофонологических вариантов словоизменятельных и формообразующих аффиксов. В семантическом аспекте значения грамматических форм более консервативны и касаются отдельных грамматических категорий, например, категории времени, где темпоральные значения сопряжены с аспектуальными и модальными.

В качестве иллюстрации сравним категорию числа имени существительного в кыпчакских и огузских языках. В понятийном аспекте категория числа отражает дискретность и недискретность окружающего мира, его целостность, единичность с одной стороны, и делимость, множественность с другой стороны. Соответственно, грамматическая категория числа типичным образом состоит из двух форм: формы единственного и формы множественного числа.

Их употребление в тюркских языках отличается от их употребления в, например, германских или славянских языках. Форма единственного числа может выражать не только единичность, но и нерасчлененную множественность. В тюркских языках имя существительное, оформленное количественным числительным или иным количественным словом (например: много, мало и т.п.), не получает аффикса множественного числа. Аффикс множественного числа необязателен и на финитном предикате, если множественность субъектов действия уже выражена иным способом. Если аффикс множественного числа употребляется, то он указывает на индивидуальность каждого из членов группы, выраженной именем во множественном числе. Тем самым, данную категорию следовало бы точнее называть категорией индивидуализированной множественности, где противопоставлены нерасчлененная множественность (в том числе и единичность) и расчлененная, индивидуализированная общность. Тем не менее далее мы используем традиционную терминологию, более привычную для читателей.

Известно, что форма единственного числа в тюркских языках, в т.ч. в кыпчакских и огузских языках, имеет нулевую форму, демонстрируя «значимое отсутствие», т.е.

единичность аффиксально не выражена. Напротив, множественное число богато морфологическими средствами выражения, которые исторически восходят через пракрыпчакский или праогузский период к пратюркскому или более ранним периодам развития тюркских языков. В праязыке значение множественности имело собирательный характер и выражалась в основном реликтовыми для настоящего времени аффиксами множественности, такими как *-z* (*bi-z*, *mi-z* ‘мы’, *si-z* ‘вы’, *oγ-uz* ‘огузы’, *qırq-iz* ‘кыргызы’); *-n*, *-in*, *-un* (*bodun* ‘народ’, *ekin* ‘двойня’), *-an*, *-än* (*er-än* ‘мужы’, *oγl-an* ‘сыновья’), *-t* (*oγl-üt* ‘потомки’), и т.д. [5, с. 145-147]. Аффикс, рассматриваемый в [5, с. 145-147] как *-γun*, *-gün*, является, как показал Марсель Эрдал, аффиксом собирательности *-agu*, *-ägü*: *üç-ägü-n* ‘трое’, где *-n* – это аффикс инструментального падежа [20], сравните *üç-gün* ‘трое’ [5, с. 145-147].

Наряду с этими непродуктивными уже в пратюркском и праогузском языках аффиксами функционировал аффикс *-lar/-lär*, а в пракрыпчакском он уже имел и другие морфофонологические варианты (например: *tar*; *-tär*). Огузские языки до настоящего времени сохранили указанный аффикс в основном в его древней форме, однако, нужно учитывать и их некоторые диалектные особенности и влияние контактирующих языков. Так, «в староосманском и современном турецком употребляются варианты *lar/lär*; а в диалектах начальный согласный подвергается ассимиляции после *n*: *nl > nn* (*bunnar*, *gellinner*); в гагаузском языке: атлар, етлär, инсаннар; в литературном азербайджанском языке *-lar/-lär*, а в его диалектах есть три варианта начального согласного: *-la/är*; *-da/är*; *-na/är* (*ilannar*, *adanar*, *gündüzdär*); в туркменском языке *-lar/-lär* (*mejdanlar*, *adamlar*, *gejimler*); в огузском диалекте крымскотатарского только *-lar/-lär*; в хорезмских говорах узбекского языка: *-la/-lä*, в падежных формах перед гласными *-r* восстанавливается» [13, с. 111-112].

Кыпчакские языки отличаются многообразием морфофонологических вариантов аффикса множественного числа, которые даны в СИГТЯ [13, с. 299]:

алаб. *-lar/-lär/-nar/-när*

алт. *-tar/-ter/-tor/-tör/ dar/-der/-dor/-dör/-lar/-ler/-lor/-lör*

астр. *-lar/-ler/ -nar/-ner*

бараб. *-tar/-tär/-lar/-lär/-nar/-när*

башк. *-tar/-tär/-dar/-där/-lar/-lär/-nar/-när/-tor/-tör/-lor/-lör/-dor /dör/lor/lör/nor/-nör*

каз. *-tar/-ter/dar/-der/-lar/-ler*

кар. *-lar/-ler*

ккалп. *-lar/-ler*

кбалк. *-la/-le*

кирг. *-tar/-ter/-tor/-tör/dar/-der/-dor/-dör/-lar/-ler/-lor/-lör*

ктат. *-lar/-ler*

кум. *-lar/-ler*

ног. *-lar/-ler/-nar/-ner*

тат. *-lar/-lär/-nar/-när*

урум. *-lar/-lär/-nar/-när*

юрт. *-lar/-lär*

Исходя из этих данных, можно сказать, что, во-первых, форма *-lar/-ler* в её ассимилятивных вариантах встречается во всех кыпчакских языках. Во-вторых, наибольшее количество вариантов морфемы множественного числа встречается в башкирском, алтайском и киргизском языках, при этом в двух последних языках имеется полное совпадение алломорфов аффикса множественности, что, вероятно, обусловлено их историческими связями, а именно ареалом обитания кыргызов в прошлом в Южной Сибири. В-третьих, многообразие вариантов формы множественности можно объяснить ассимиляционными особенностями сочетаемости аффикса множественного числа с корневой морфемой, за счет чего появляются алломорфы. Так, в казахском языке варианты аффикса *-lar/-ler*

употребляются, если корневая морфема оканчивается на гласные звуки: ата-лар, қала-лар, бала-лар, әже-лер, дәптер-лер, мәселе-лер; *dar/-der* употребляются, если корневая морфема оканчивается на звонкие согласные и сонорные: қыз-дар, мұрын-дар, қалам-дар, кілем-дер, күн-дер, әйел-дер; - *tar/-ter* употребляются, если корневая морфема оканчивается на глухие согласные: тас-тар, қыс-тар, ағаш-тар, көлік-тер, мүлік-тер. В киргизском, алтайском, башкирском языках сочетание корневой морфемы с аффиксом множественного числа обусловило особенно большое количество алломорфов. В алтайском и киргизском, действующие в них законы губной гармонии гласных при сочетании аффикса с корнями, содержащими широкие губные (о, ö) гласные, требуют, чтобы и в аффиксе употреблялся широкий огубленный гласный; этим и объясняется многообразие вариантов морфемы мн.ч. (*dar/-der/-dor/-dör/-nar/-ner/-nor/-nör/-lar/-ler/-lor/-lör*).

Выводы. Развитие кыпчакских и огузских языков имеет свои исторические закономерности, которые можно обозначить в контексте: праалтайский (как общий язык-основа алтайской семьи языков) → пратюркский → распад на языковые ветви → пракыпчакский и праогузский → древние кыпчакские и огузские языки в памятниках караханидской эпохи → среднекыпчакский и среднеогузский период позднего средневековья → современные кыпчакские и огузские языки. Истоками развития являются праалтайский и пратюркский языки, в которых формируются общие языковые признаки в фонетической, лексической, грамматической сферах. Практикыпчакский и праогузский языки формируют общие типологические признаки указанных языков. Сравнительный анализ консонантных систем древнетюркского, кыпчакских и огузских языков показывает, что имеются общие явления, восходящие к прототюркскому языку. Языковые закономерности кыпчакских и огузских языков продолжают формироваться в караханидский период и продолжают развиваться в период позднего средневековья и нового времени.

Список литературы

1. Баскаков Н.А. Тюркские языки. Издание 3-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 246 с.
2. Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халкского наречия. – Л.: Наука, 1929. – 436 с.
3. Санжеев Г.С. Маньчжуро-монгольские языковые параллели // Известия АН СССР. Отделение гуманитарных наук. Сер. VII. – 1930. – №8. – С. 601-626; №9. – С. 673-708.
4. Poppe N. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. Teil I. Vergleichende Lautlehre. – Wiesbaden, 1960. – 134 p.
5. Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических письменных памятников VII-IX вв. – Л.: Наука, 1980. – 255 с.
6. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 111 с.
7. Бисенғали З., Манкеева Ж. Қазақ филологиясы: егіз негіз (ғылыми мақалалар жинағы). – Алматы: Арыс, 2010. – 352 б.
8. Шаймердинова Н.Г. Некоторые аспекты праалтайской теории тюркских языков // Көрнекті фольклортанушы ғалым, ҚР ҰҒ академигі С.А. Қасқабасовтың 75 жыл толуына арналған Халықаралық фольклортанушылардың конгресінің материалдары. – 2015. – 310-315 бб.
9. Мелиоранский П.М. Памятник в честь Кюль-тегина. – СПб.: ЗВОРАО, 1899. – 92 с.
10. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на гласные). – М: Наука, 1974. – 754 с.
11. Ибатов А.М. Морфемная структура казахского слова. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Алма-Ата: Наука, 1988. – 56 с.

12. Мусаев К.М. Морфология пракыпчакского языка: Монография. – М.: ТЕЗАУРУС, 2010. – 274 с.
13. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / Отв. ред. Э.Р.Тенишев. – М.: Наука, 2002. – 767 с.
14. М. Кашгари Диван Лугат - ат Турк / Перевод, предисловие и комментарии З.-А. Ауэзовой. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 1288 с.
15. Насилов Д.М. Кыпчаки у Махмуда Кашгарского. Тюркологический сборник / Институт восточных рукописей РАН. – М.: Вост. лит., 2009. – 284-293 с.
16. Doerfer G. Maḥmūd al-Kāṣḡarī Argu, Chaladsch /UAJ. N.F. Bd 7. – Wiesbaden, 1987. – 237 p.
17. Бартольд В.В. Сочинения. Т.V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. – М.: Наука, 1968. – 304 с.
18. Codex Cumanicus /Асыл мұра. Түркі антологиясы. – Астана: Сарыарқа, 2014. – 238 б.
19. Кляшторный С.Г. Кыпчаки в рунических памятниках. – Л.: Наука, 1968. – 166 с.
20. Erdal M. A Grammar of Old Turkic. – Brill: Leiden, 2004. – 575 p.

Н.Г. Шаймердинова, И.А. Невская

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан
Гете атындағы Франкфурт-на-Майне университеті, Франкфурт-на-Майне, Германия

Аннотация. Мақалада қыпшақ және оғыз тілдерінің тарихи даму жолы жеке грамматикалық құбылыстар негізінде қарастырылады. Бұл дамудың бастауын біз мета-тіл саналатын алтай ата тілінен, негіз-тіл саналатын көне түркі мен оғыз тілдерінен табамыз. Мақала авторлары көне қыпшақ және көне оғыз тілдерінің қарым-қатынасын көне түркі тілімен байланыста қарастыра отырып, Махмұд Қашқаридың «Диуаниындағы» қыпшақ және оғыз компоненттерін ашып көрсетеді, кейінгі орта ғасырдағы қыпшақ және оғыз тілдерінің жеке тілдік ерекшеліктерін және жаңа дәуірдегі дамуын айқындайды. Сипаттама ретінде қыпшақ және оғыз тілдеріндегі сан-мөлшер категориясының дамуы қарастырылады. Мақала авторлары қыпшақ және оғыз тілдеріндегі сан-мөлшер категориясының мағынасын, олардың типологиялық және морфонологиялық сипатқа негізделген формальды жасалу жолдарын жүйелі түрде талдайды.

Түйін сөздер: ата тіл, көне қыпшақ тілі, көне оғыз тілі, көне түркі, Dīwān Lughāt al-Turk, орта қыпшақ кезеңі, сан-мөлшер категориясы.

N. Shaimerdinova, I. Nevskaya

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan
J. W. Goethe University, Frankfurt on Main, Germany

Some aspects of the history of Kypchak and Oguz languages

Abstract. The article deals with the history of the development of Kipchak and Oguz languages. Their origins are rooted in Proto-Altaic as well as in Proto-Turkic as the earliest stages of their development. The authors describe the relations of Proto-Kipchak and Proto-Oguz to Old Turkic, the language of the earliest written Turkic documents in the runiform script. Further, Kypchak and Oguz components in M. Kashgari's „Dīwān Lughāt al-Turk“ are revealed alongside historical and linguistic features of Kypchak and Oguz varieties in the late Middle Turkic period as well as in the Modern Turkic time. In particular, the category of plurality is analyzed in order to illustrate some typical features of the Kypchak and Oguz morphophonology.

Key words: Proto-Altaic, Proto-Turkic, Proto-Kipchak, Proto-Oguz, Old Turkic, Dīwān Lughāt al-Turk, Middle Turkic, Modern Kipchak languages, Modern Oguz languages, the category of plurality.

References

1. Baskakov N.A. Tjurkskie jazyki [Turkic languages] (Publishing house LKI, Moscow, 2008).
2. Vladimircov B.Ja. Sravnitel'naja grammatika mongol'ckogo pis'mennogo jazyka i halkskogo narechija [Comparative grammar of Written Mongol and Khalka] (Nauka, Leningrad, 1929).
3. Sanzheev G.S. Man'chzhuro-mongol'skie jazykovye paralleli [Manchu-Mongol language parallels], Izvestija AN SSSR. Otdelenie gumanitarnyh nauk [News of Academy of Sciences of the USSR. Department of Humanities.], **8-9**, 601-626 (1930)
4. Poppe N. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen (Wiesbaden, 1960)
5. Kononov A.N. Grammatika jazyka tjurkskih runicheskikh pis'mennyh pamjatnikov VII-IX vv. [The grammar of the language of Turkic runic written monuments VII-IX centuries] (Science, Leningrad, 1980).
6. Malov S.E. Pamjatniki drevnetjurkskoj pis'mennosti [Monuments of ancient Turkic writing] (Publishing house of USSR Academy of Sciences, Moscow-Leningrad, 1951).
7. Bisengali Z., Mankeeva J. Qazaq filologijasy: egiz negiz (gylymi makalalar zhinagy) [The Kazakh philology: What is an identical concept (the collection of scientific papers)] (Arys, Almaty, 2010).
8. Shaymerdinova N.G. Nekotorye aspekty praaltajskoj teorii tjurkskih jazykov [Some Aspects of the Proto-Altai Theory of Turkic Languages], kornekti fol'klortanushy galym, QR UG akademigi S.A. Qasqabasovtyn 75 zhyl toluyna arnalgan qalyqaralyq folklortanushylardyn kongresinin materialdary [International Folklore Congress dedicated to the 75th anniversary of the ethnographer, folklorist, scholar of the Republic of Kazakhstan S.A. Kaskabasov], 2015 [in Russian].
9. Melioransky P.M. Pamjatnik v chest' Kjul'-tegin [Monument in honor of Kul-Tegin] (ZVORAO, SPb., 1899).
10. Sevortyan E.V. Jetimologicheskij slovar' tjurkskih jazykov (obshhetjurkskie i mezhtjurkskie osnovy na glasnye) [Etymological dictionary of Turkic languages (common Turkic and inter-Turkic bases for vowels)] (Science, Moscow, 1974).
11. Ibatov A.M. Morfemnaja struktura kazahskogo slova. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora filologicheskikh nauk [Morphemic structure of the Kazakh word. Abstract of dissertation for the degree of Doctor of Philology] (Science, Alma-Ata, 1988).
12. Musaev K.M. Morfologija prakypchakskogo jazyka: Monografija [Morphology of the Proto-Kipchak language: Monograph] (THESAURUS, Moscow, 2010).
13. Sravnitel'no-istoricheskaja grammatika tjurkskih jazykov. Regional'nye rekonstrukcii [Comparative historical grammar of Turkic languages. Regional reconstruction] (Science, Moscow, 2002).
14. M.Kashgari Dīwān Lugāt - at Turk [Dīwān Lughāt al-Turk] (Dike Press, Almaty, 2005).
15. Nasilov D.M. Kypchaki u Mahmuda Kashgarskogo. Tjurkologicheskij sbornik [Kypchak at Mahmud Kashgari. Turkic collection] (Eastern literature, Moscow, 2009).
16. Doerfer G. Maḥmūd al-Kāšyārī Argu, Chaladsch (Wiesbaden, 1987).
17. Bartold V.V. Sochinenija. Raboty po istorii i filologii tjurkskih i mongol'skih narodov [Writings. Works on the history and philology of the Turkic and Mongolian peoples] (Science, Moscow, 1968).
18. Codex Cumanicus. Asyl mura. Tyrki antologijasy [Codex Cumanicus. Asyl Mura. Turkic anthology] (Saryarka, Astana, 2014).
19. Klyashtorny S.G. Kypchaki v runicheskikh pamjatnikah [Kypchak in runic monuments] (Science, Leningrad, 1968).
20. Erdal M. A Grammar of Old Turkic (Leiden, Brill, 2004).

Сведения об авторах:

Шаймердинова Н.Г. – профессор кафедры тюркологии ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, ул. Сатпаева, 2, Астана, Казахстан.

Невская И.А. – профессор университета им. Гете, Франкфурт-на-Майне, Германия.

Shamerdinova N.G. – Doctor of Philology, Professor of Turkology Department, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Satpayev str. 2, Astana, Kazakhstan.

Nevskaia I.A. – Doctor of Philology, Professor of Frankfurt University, Senckenberganlage 31, Frankfurt on Main, Germany.